

Актуальные этносоциологические проблемы в новой социально-политической ситуации*

Дробижева Л.М.

События в Крыму и Украине с конца 2013г., отклик на них в Российской Федерации дают основание обсудить ряд существенных теоретических и социально-практических вопросов, без которых нельзя обеспечивать позитивную направленность функционирования этничности и межэтнических отношений в России.

Актуализировался вопрос о соотношении государственно-гражданской и этнической идентичности. Особенность ситуации состоит в том, что «градус нагрева», интенсивность, солидарность росли и в общероссийской идентичности и в этнической, в том числе русской идентичности. Уже в 2011-2012г. этносоциологи фиксировали актуализацию русской идентичности. По общероссийскому опросу ИС РАН, в котором русские составляют большинство, в 2011г. 41% респондентов выбрали ответ «Все средства хороши для защиты интересов моего народа». По опросам 2011-2012гг. в Башкортостане этот ответ выбирали 48% башкир, 44% татар, 39% русских, в Татарстане 35% татар, 42% башкир и 42% русских. По опросам 90-ых годов в республиках этническая идентичность была выше, чем в русских регионах, теперь она стала такой же высокой. 82% выбрали ответ «я никогда не забываю о том, кто я по национальности».

Еще в 1995г. по общероссийской выборке 65% отвечало, что «Россия - общий дом для многих народов и все народы должны обладать равными правами», теперь - 47%, в то время как среди татар, башкир, якутов это мнение разделяют 90-92% и среди русских в республиках 78-80%. Этническое самосознание у большинства русских, естественно актуализировалось в связи с событиями в Крыму и на Юго-Востоке Украины. Но оно актуализировалось и у людей других национальностей. Не случайно весной 2014г. в Карелии – единственной республике, где государственным языком является только русский, встал вопрос о придании карельскому такого же статуса. В Чувашии активисты расклеивали стикеры «Здесь разговаривают и по-чувашски», в Бурятии принимали закон о поддержке бурятского языка.

Рост этнической идентичности ориентирует нас на очень внимательное отношение к этническим чувствам. У некоторой части людей из среды этнических меньшинств, главным образом диаспорных групп, актуализация этничности вызывает чувство тревоги.

*Статья выполнена в рамках Программы Президиума №32 «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности».

На встрече с В.В. Путиным в Сочи¹ 10.02.2014г. журналистка говорит «мы много думали (от имени этнически не русских людей ведет речь – Л.Д.)..наверное, нужно...перестать самим заигрывать немножко со своей национальной идентичностью – и в первую очередь считать себя россиянами, гражданами России, а потом уже армянами, турками, лезгинами...кем угодно дальше, наверное это требует каких-то госпрограмм, госпропаганды?» В.В. Путин ей ответил: «... формула абсолютно правильная: сначала россиянин, а потом уже представитель какого-то этноса, без всякого принижения значения вот этой культурной самобытности каждого народа, каждой национальности». «Одно не исключает другое» - говорит журналистка, а Президент поправляет: «Оно не просто не исключает, а дополняет друг друга».

Такая формулировка ориентирует не выстраивать иерархий идентичностей (А такие идеи есть в научном дискурсе²). И к тому же не переставать разъяснять, что гражданская, общероссийская идентичность совсем не подменяет этническую. Те, кто это пытается делать дают повод радикалам для популистских выступлений. Так лидер движения «Русские» Демушкин в связи с Крымскими событиями заявлял: хотели заменить русских россиянами, и как бы теперь дело было с защитой крымчан, там россиян не было, а были русские.

Так что немало, казалось бы, теоретических представлений имеют прямой выход на социальную практику.

С проблемой гражданской и этнической идентичности связан так же вопрос их содержательного наполнения. Предыдущими этносоциологическими исследованиями показано, что государственно-гражданская идентичность базируется на представлениях, прежде всего, о принадлежности к государству (60-80%), территории (около 60%). Именно эти данные давали нам основание определять российскую гражданскую идентичность как государственно-гражданскую. Но остается теоретико-практический вопрос: что понимают наши респонденты под государством, когда отвечают, что «ощущают связь с гражданами России», и в этой присоединенности доминанту отдают государству. Ощущают такую связь судя по общероссийским опросам, с доминирующим русским составом респондентов (ИС РАН, рук. Горшков М.К.), 95% опрошенных , по опросам с большим представительством регионов с не русским населением (РМЭЗ, рук. Козырева П.М., Косолапов М.С.) – 74%. Но одновременно по опросам Левада-Центра в мае 2014г. доверяют Правительству России – 30%, Госдуме, Совету Федерации –

¹ Путин В. Встреча с Общественным советом по подготовке Олимпиады-2014. – Президент России. Официальный сайт, 10.02.2014 г. Доступ: <http://www.kremlin.ru/transcripts/20203> (проверено 12.05.2014г.)

² Железняков А.С., Литвинова Т.Н. Проблема формирования российской национальной идентичности в условиях этнического многообразия // Россия реформирующаяся. Вып. 11 : Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. — М.: Новый хронограф, 2012. С. 370

25-24%, Областным, краевым, республиканским органам власти – 32%, прокуратуре, судам – 26-21%, органам безопасности – 32%. Это дает основание полагать, что когда мы интерпретируем государственно-гражданскую идентичность как, главным образом, государственную, то мы должны учитывать, что очень многие наши респонденты под государством имеют в виду не государственные властные структуры, они имеют в виду именно граждан страны, страновое сообщество.

Это значит, что представления о том, что «национальная идентичность (в значении политической нации Л.Д.) есть, прежде всего, средство легитимации власти в переходном обществе»³ не соответствует нашей современной социальной практике.

В.А. Тишков тоже пишет о национальной идентичности: «Солидарность и повседневная лояльность, т.е. чувство принадлежности к одному народу и признание государства своим составляет основу того, что называют национальным самосознанием или идентичностью»⁴. Он тоже говорит о признании государства своим. Таким образом, важно обсудить на основе конкретных данных, что наши люди представляют при идентификации с гражданами страны, национальной идентификацией. В определении В.А. Тишкова обратим внимание на включение солидарности, т.е. известного гражданского единства. Но единство тоже может быть разной мотивации. Оно может быть солидаризирующим вокруг позитивных целей – благополучия людей, развития у них добрых чувств и взаимопонимания, образованности общества, экономического процветания страны, обеспечения прав граждан и их безопасности, а может быть и относительно нейтральным – защитным национализмом и даже агрессивным (по Майклу Линду). Используя термин «гражданская идентичность» мы все же имеем в виду солидарность позитивной направленности. Один индикатор определения такой направленности уже используется в социологических исследованиях – это «ответственность за дела в стране». Этот индикатор респонденты отмечают и в международных, и в наших исследованиях. У нас в России в целом его считают важным в гражданской идентичности – 35% респондентов, среди татар, башкир, якутов, русских в республиках – 30-50%.

Найти адекватные индикаторы именно гражданской идентичности достаточно сложно, но необходимо. И современная обстановка, связанная с событиями в Крыму, на Украине актуализирует их поиски.

Новые вызовы оживляют внимание к теоретическим вопросам, казалось бы, с затухающей дискуссионностью, например о понимании этнической общности. В связи

³ Железняков А.С., Литвинова Т.Н. Проблема формирования российской национальной идентичности в условиях этнического многообразия // Россия реформирующаяся. Вып. 11 : Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. — М. : Новый хронограф, 2012. С. 370

⁴ Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. С. 22

с подготовкой Стратегии государственной национальной политики оказалось, что определение этнической общности настолько дискуссионно, что расшифровку его не включили в текст документа, подписанного Президентом РФ. Но в конце 2013г. Минрегионразвития разослал Методические рекомендации для органов государственной власти субъектов РФ о порядке выявления формирующихся конфликтов в сфере межнациональных отношений (Приложение к Приказу №444 от 14.10.2013г.). В нем этническая общность это – «общность людей, исторически сложившаяся на основе происхождения, территории, языка и культуры». При таком определении встает немало вопросов. Смогут ли люди, родившиеся в семьях украинцев, но давно живущие в России и при переписи называющие себя русскими, считать себя, чувствовать себя русским и могут ли окружающие считать их такими, хотя на практике так и бывает. Число украинцев между последними переписями уменьшилось с 2,9 млн. до 1,9 млн., белорусов с 0,81 до 0,52 млн. Вряд ли многие уехали в Белоруссию и Украину. Скорее всего они себя считают русскими. Когда люди упоминают о происхождении при этнической идентификации, они обычно имеют в виду родительскую семью, а не «расширенную родственную группу».

Территория как определитель этнической общности будет связываться с административными границами и как тогда быть с русскими Казахстана или татарами, большая часть которых живет за пределами Татарстана.

Уже длительное время в ходе опросов для выяснения этнической идентичности мы спрашиваем респондентов, что связывает их со своим этносом (народом). И доминирующим ответом является – язык и культура. В статье, опубликованной в журнале СОЦИС, мы приводим и другие аргументы, подтверждающие, что этническая общность – это, прежде всего, культурная общность, скрепленная представлениями об историческом прошлом и самосознанием⁵.

Эти, казалось бы, теоретические споры могут иметь совершенно конкретный практический выход. В уже упомянутых Методических рекомендациях межнациональный конфликт определяется как «столкновение интересов двух и более этнических общностей...». Но в практике межэтнических конфликтов не было ситуаций, при которых все люди какой-то национальности вступали в конфликт. В конфликтологии считается, что в конфликтах хотя бы одна из сторон (а не общность) мобилизована по этническому признаку (по В.А. Тишкову, Д. Смиуту). По определению же в Методологических рекомендациях виновниками конфликта будут считать не их организаторов, а просто людей той или иной национальности. И это в условиях, когда ученые в мировой науке стараются уйти от группизма.

⁵ Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Пройденные пути и некоторые проблемы развития этносоциологии – СОЦИС 2014 №7.

В связи с украинскими ситуациями актуализировались проблемы федерализма. Судя по обсуждениям в интернете многие вспомнили, что с федерализацией связывали распад СССР, искали пути минимизации ее в Российской Федерации, а теперь считают федерализацию на Украине выходом из кризиса. Это вопрос специального обсуждения, который тоже стоит на повестке дня и может осуществляться в диалоге с властью и обществом, что важно было бы осуществить на нашей конференции.

Теоретическими вопросами в этносоциологии 2000-ые гг. меньше уделялось внимания в сравнении с 90-ыми, когда шли бурные дискуссии. Из более чем 150 статей, опубликованных в журнале СОЦИС в 2000-2013гг. всего 7-8 было посвящено теоретическим вопросам, общим интеграционным и дезинтеграционным процессам, ресурсам развития гражданского общества. Не так много статей (17) было посвящено социальным аспектам языковых взаимодействий. Совсем мало статей (3) опубликовано о месте этничности в социальной дифференциации. Между тем эти вопросы не менее значимы, чем проблемы интеграции мигрантов и связанные с этим конфликтные ситуации, и требуют профессионального изучения этносоциологами.

Некоторые проблемы адаптации временных трудовых мигрантов из Средней Азии в сельских условиях Юга России¹

Е. М. Арутюнова

Проблемы интеграции и адаптации мигрантов в сельской среде в России, в отличие от проблем их жизни в городах, не привлекают к себе столь интенсивного внимания, поскольку масштабы миграции в сельские районы не так велики, как в города. Однако Юг России – регион, где миграция ощутима и в сельской местности, в особенности из регионов Средней Азии; кроме того, там ощущается серьёзный приток внутренних мигрантов из регионов Северного Кавказа. К тому же новый приток мигрантов происходит в исторически мозаичный в этническом отношении регион.

Методологическим основанием настоящего исследования является разработанная Дж. Берри теория аккультурации², а также выделенные У. Серл и К. Уорд³ в развитие теории аккультурации Берри два типа адаптации (психологическая и социокультурная), а также концепция «культурного шока» [Oberg, 1960; Furnham, Bochner, 1986].

Эти теории актуальны как для изучения адаптации людей, переезжающих на постоянное место жительства, так и временных трудовых мигрантов, при изучении которых можно применить подход, изложенный в работах И. М. Кузнецова. Данный подход выделяет два сценария адаптации: приспособительный и адаптационный (последний, в свою очередь, может иметь интеграционный или анклавный характер (в сетевой или территориальной форме)). Приспособительный сценарий является первым по времени способом взаимодействия прибывающих людей и групп с принимающей средой, хотя может остаться и основным. Главная его особенность заключается в том, что в процессе приспособления не происходит существенных изменений в образцах поведения, ценностях, культурных образцов, данный сценарий не предполагает глубокого освоения принимающей культуры.⁴

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Миграция и межконфессиональные противоречия в «русских» регионах Юга» (Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности» в 2014 году).

² Берри Дж., Пуртинга А. Х., Сигалл М. Х., Дасен П. Р. Кросс-культурная психология. Исследования и применение. Харьков: Гуманитарный Центр, 2007. с. 543

³ См.: Searle W., Ward C. The prediction of psychological and sociocultural adjustment during cross-cultural transitions. // *International Journal of Intercultural Relations*, 14, 449-464, 1990.

⁴ См.: Кузнецов И. М. Адаптационные стратегии мигрантов в условиях мегаполиса (*на примере г. Москвы). Автореф. дис. ... уч. ст. к.с.н. М., 2006; Кузнецов И. М., Мукомель В. И.

Принципиально важным фокусом изучаемой проблемы выступает то обстоятельство, что в ситуации активного и разного миграционного притока в южные регионы приспособляться приходится обеим сторонам, вот почему имеет смысл говорить о *взаимной* интеграции/адаптации.

Астраханская и Волгоградская области – регионы, различающиеся по этническому составу и тенденциям его изменения. В обеих областях большинство населения составляют русские – 90% в Волгоградской области и 67,6% – в Астраханской).⁵ Однако если в Волгоградской области численность представителей других этнических групп составляет 1,8% (казахи) и сколько-нибудь заметных изменений этнического состава в последнее время не наблюдается, то в Астраханской области ситуация более динамична. Здесь очевидны тренды уменьшения доли русских и увеличения доли постоянно проживающих казахов, а также чеченцев, дагестанцев, азербайджанцев и армян.⁶

Близкое расположение регионов к Северному Кавказу и государствам Средней Азии, непосредственная граница с Казахстаном, наличие прямого железнодорожного сообщения со странами Средней Азии, доступность разработки астраханских ресурсов – рыба, сельхозпродукция, а также неравномерность распределения трудовых ресурсов и недостаточная трудовая мобильность местного населения обеспечили в 1990-е – начале 2000-х гг. рост миграции в Астраханскую область. Для области с населением чуть более миллиона человек и повышенной плотностью населения эти быстрые изменения оказались весьма ощутимы.

Вторая волна внешней миграции в область началась в 2005 г., что было связано с изменениями в миграционном законодательстве страны, и включала в себя преимущественно иностранную рабочую силу из Узбекистана и Таджикистана.⁷

Для южных регионов характерна их привлекательность для мигрантов, способных и желающих быть занятыми в сфере сельского хозяйства – в отличие от центральных регионов страны, куда мигранты, в основном, едут в города. В условиях депопуляции и старения населения в сёлах, временные трудовые мигранты из Средней Азии становятся конкурентоспособной рабочей силой. Эксперты признают, что обойтись без мигрантов село не может. При этом в сравнении с недавним прошлым, современные мигранты более

Адаптационные возможности сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М., 2005.

⁵ Численность и размещение населения [Электронный ресурс] // Всероссийская перепись населения 2010 URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (Дата обращения 24.02.2014)

⁶ Дмитриев А. В., Карабущенко П. Л., Клочков Г. В., Усманов Р. Х. Юг России в миграционном и этноконфликтном измерениях. Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет». 2010. С. 104.

конкурентоспособны, обладают большей мотивацией и лучше адаптированы к рыночным условиям.⁸

Ситуацию с межрегиональной миграцией, в том числе с акцентируемой как проблемной миграцией из республик Северного Кавказа, прояснить в цифрах намного сложнее – официальные данные учитывают только тех, кто приехал и зарегистрировался по месту жительства или пребывания. Совершенно очевидно, что это не все фактически пребывающие на территории областей выходцы из других регионов. Эксперты оценивают эти потоки как внушительные в Астраханской области и как заметные в Волгоградской. Важно, что этот новый приток оказывает ключевое влияние на межэтнические отношения, особенно в Астраханской области.

Межэтнические отношения в исследуемых регионах складываются непросто. В регионе исторически сложилось многообразие культур и религий, и добрососедские межэтнические взаимодействия здесь – необходимость. Однако в последнее время, по данным исследования В. В. Монины,⁹ проявляется ярко выраженное противоречие между местным, «условно автохтонным» населением области (русские, татары, казахи и др.) и представителями «северокавказской условно-неавтохтонной» группы. Налицо элементы ксенофобии с обеих сторон, имеющие реальные экономические и социокультурные основания, при этом экономически они связаны со сложившейся конкуренцией за доминирование в некоторых областях деятельности – строительстве, сельском хозяйстве, торговле. В Волгоградской области, где территория и население примерно в 2,5 раза больше, а мигрантов меньше, чем в Астраханской области, ситуация с этническими установками также не очень спокойна: треть населения (по данным опроса, проведенного областным УФМС) плохо или очень плохо относится к иммигрантам, а подавляющее большинство полагает, что в области их очень много.¹⁰

По нашим данным (полученным с использованием методологии и методик качественного социологического исследования) адаптация временных мигрантов и интеграция новых жителей в сельских условиях происходит, с одной стороны, проще и

⁷ Там же, с. 103.

⁸ Нефёдова Т. Г. Миграции в сельской местности и агропроизводство в староосвоенной части России [Электронный ресурс] // Центр миграционных исследований URL: http://migrocenter.ru/science/science019_3.php

⁹ Монин В. В., Беребицкий Б. З. Динамика межэтнических и межконфессиональных отношений в Астраханской области и Прикаспийском регионе /монография/. – Астрахань: Полиграфком, 2011. – 69 с.

¹⁰ Протокол № 18 заседания Общественно-консультативного совета при Управлении Федеральной миграционной службы по Волгоградской области от 20 июня 2012 г. [Электронный ресурс] // Управление Федеральной миграционной службы по Волгоградской области

быстрее, т. к. здесь более тесные сети контактов, новые люди, что называется «на виду», неформальные отношения завязываются быстрее и эффективнее, а люди, как принято считать, «душевнее, чем в городе». С другой стороны, именно эти черты сельского социума могут мешать интеграции: культурные отличия заметнее, когда человек всегда на виду. Более высокий уровень традиционализма у сельских жителей, гипотетически должный мешать включению новых людей в привычные круги общения, как правило, не мешает.

Основной сценарий вживания в новую среду для трудовых мигрантов-сезонников из стран Средней Азии (в подавляющем большинстве это граждане Узбекистана) – приспособительный, не требующий глубокого вхождения в принимающую среду, изменений идентичностей и стиля поведения. Для единичных случаев среднеазиатских мигрантов-старожиллов возможен адаптационный сценарий вхождения в новую среду, однако интеграционный его вариант, наиболее позитивный, тормозится несколькими факторами, среди которых основной – трудности в получении гражданства. Отсутствие последнего закрывает доступ к получению образования или к продолжению трудового пути в новом качестве – арендатора или владельца земель. Для поколения молодых мигрантов, уже свободно владеющих русским языком, окончивших в России школу, ограничение возможностей самореализации может стать дополнительным фактором маргинализации и усиления этнокультурной дистанции. Это, безусловно, негативный фактор, способный свести к минимуму такие благоприятные условия для интеграции, как относительно спокойное восприятие миграции из Средней Азии в масштабах региона и позитивное самоощущение мигрантов.

Очевидно, что, несмотря на напряжённо воспринимаемые межэтнические отношения в целом в регионе, в сёлах уровень агрессии и конфликтности намного ниже, а открытость некоторых кругов общения (соседского в наибольшей мере), в сравнении с городской средой, является вполне позитивным условием для успешной адаптации людей, если они будут приезжать на постоянное место жительства. Ситуация складывается таким образом, что адаптация к переменам необходима всем сторонам взаимодействия, и в сёлах такая адаптация выглядит более успешной, особенно в условиях российского Юга, где этническое многообразие – норма, изначальное условие жизни.

Ксенофобия как стержень российского общества

Владимир Мукомель

«Ксенофобия рождает ксенофобию,
недоверие – взаимное недоверие»

П. Штомпка¹

Рост ксенофобии в российском обществе признается как специалистами, так и политиками и масс-медиа. Если в 2002 г. слоган «Россия для русских» поддержали, в той или иной мере, 45% респондентов, то в октябре 2013 г. - 66%. Почти вдвое в этот период возросла доля респондентов, чувствующих враждебность к представителям других национальностей².

Против кого направлена ксенофобия? Какие факторы стимулируют всплеск ксенофобных настроений и вызванной ими агрессией к «чужим»? Есть ли связь между распространенностью ксенофобии и функционированием социальных институтов? В какой мере – если таковая связь присутствует, - она результат внутривнутриполитической конъюнктуры, а в какой – следствие предшествующего развития российского общества? Чем вызван всплеск ксенофобии последнего времени? Настоящая статья посвящена поиску ответов на поставленные вопросы.

Объекты и дискурс ксенофобии

Ксенофобия в России имеет несколько измерений, из которых важнейшими являются этническое (этнофобии), миграционное (мигрантофобии), религиозное и конфессиональное (исламофобия, в первую очередь) и гражданское (наличие/отсутствие российского гражданства).

Преувеличенное значение этничности пронизывает многие аспекты общественных дискуссии по проблемам социально-экономической и политической жизни, а обсуждение социальных проблем, зачастую без всяких на то оснований,

¹ Штомпка Петр. Доверие – основа общества / Петр Штомпка: пер. с пол. В.Морозовой. – М.Логос, 2012, с.421

² Россияне о миграции и межнациональной напряженности. Левада-Центр, Пресс-выпуск 5 ноября 2013

переводится в этническую плоскость. На смену марксистскому экономическому детерминизму пришел этнический детерминизм.

Этнофобии сегодня направлены, в первую очередь, на представителей «видимых меньшинств», визуально отличающихся от этнического большинства. Важную роль в формировании образа «чужого» играет его «пришлость»: даже принадлежность к этническому большинству не является барьером для мигрантофобий. (Что особо прослеживалось в 1990-х гг., когда вынужденные переселенцы – в подавляющем большинстве русские - столкнулись с неприятием местного населения). При этом традиционные для данной конкретной местности меньшинства рассматриваются этническим большинством как «свои».

Отметим два момента: во-первых, «пришлость» и гражданство являются подвижными характеристиками, зависящими от срока пребывания (и сопутствующего «укоренения» мигрантов в сознании принимающего населения) и одномоментного приобретения гражданства иностранцами. В отличие от них принадлежность к этнической группе, вероисповедание воспринимаются как принимающим населением, так и самими объектами ксенофобии, как нечто неизменное. Во-вторых, гражданство мигрантов значимо в повседневных контактах мигрантов с властями, но не с принимающим населением.

Из вышесказанного следует, что наиболее уязвимой группой будут являться представители мигрантских этнических меньшинств, не имеющие российского гражданства и исповедующие религию (конфессию), не доминирующую в данной местности³.

Россияне толерантны к приезжим из Украины, Молдовы, Белоруссии, визуально не выделяющимся в принимающем сообществе. В отношении других этнических групп у респондентов преобладает раздражение, неприязнь, недоверие. Большинство респондентов негативно относятся к соседству с семьей выходцев с Северного Кавказа (59,9%), иностранцев из Юго-Восточной Азии (57,3%), Средней Азии (55,0%), государств Закавказья - 52,0% . Среди сторонников лозунга «Россия для русских» неприятие мигрантов особенно выражено: 80,1 % отрицательно отнеслись бы

³ Выходцы из исламских государств идеально, таким образом, подходят на роль «козлов отпущения». Хотя исламофобия имеет ограниченный отклик в публичном пространстве, исследования свидетельствуют о росте антиисламских настроений в обществе.

к соседству с выходцами из Северного Кавказа, положительно - 4,5%⁴. (И к мигрантам из других регионов России, независимо от их национальности, отношение соответствующее).

Рост ксенофобии в 1990-х объяснялся, во-первых, травматическим шоком, вызванным коренными социально-политическими и экономическими преобразованиями российского общества, во-вторых – ликвидацией сдерживающего, правоохранительного начала. По мнению Л. Гудкова, например, ксенофобия выступает «суррогатом гратификации», фобии изменившегося порядка вещей легко переходят в ксенофобию⁵.

В 2000-х рост ксенофобии сложно объяснить дискурсом кризиса и дискурсом травмы: население адаптировалось к социально-политическим и социально-экономическим условиям. Практически сошли на нет фобии утраты ресурсов, характерные для 1990-х гг.⁶ Тогда как фобии утраты идентичности только возросли, однако изменилась риторика: масс-медиа и публичные политики апеллируют к «культурной матрице», «культурному коду», «культурным скрепам» и т.п. (При этом культура понимается как этнически имманентная, хотя «идея врожденной культуры, национального характера и тому подобное в современной социологии либо полностью дискредитированы, либо сданы в архив»⁷. «Культурный расизм», заменяющий иерархию рас биологического расизма на представления о несовместимости «культур», вреде их смешения, сегодня более распространен, чем «классический» расизм⁸).

Россияне полагают, что приток иноэтничных мигрантов угрожает социальной стабильности. Превазирует точка зрения, что Россия не нуждается ни в иммигрантах, ни в трудовых мигрантах – с такой позицией солидаризировались 39% респондентов. Только 11% опрошенных верили, что «стране нужны и те, и другие мигранты», 15% полагали, что «нашей стране нужны только те мигранты, которые хотят остаться здесь жить навсегда», еще 26% – что «стране нужны только те мигранты, которые

⁴ Опрос ФОМ в октябре 2011 г. по заказу НИУ ВШЭ. Опрошено 24500 респондентов. Автор благодарит НИУ ВШЭ за предоставленную возможность использования данных вышеупомянутого исследования (далее МегаФОМ 2011).

⁵ Гудков Л.Д.. Чеченская война и «мы» // Неприкосновенный запас, N 5 (13), 2000

⁶ Левада Ю. (2000). От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993-2000. – М.: Московская школа политических исследований, 2000, с.433

⁷ Штомпка П., цит. соч., с.243

⁸ Осипов Александр. На пути к осмыслению проблем расизма // Расизм: современные западные подходы: сб. ст. /Пер. с англ., фр. Сост. А Верховский, А. Осипов. – М.: Центр «Сова», 2010, с.15.

приезжают на заработки и не собираются здесь жить постоянно» и 9% уклонились от ответа⁹.

Возросшие в начале 2000-х масштабы миграции и их структурная трансформация сыграли определенную роль в росте ксенофобии, переориентации радикальных националистов на борьбу с наплывом иноэтничных мигрантов¹⁰. Но достаточно ограниченную: еще в 1990-х исследователи указывали, что ксенофобия все больше принимает формы различных этнофобий и мигрантофобий. Да и политическая философия антимиграционизма, «в основе которой лежат расово-этнические аргументы и образы», по мнению В.А. Тишкова, сформировалась еще в конце прошлого века¹¹.

Вероятно, рост ксенофобии в различных ее проявлениях обусловлен не только внешними факторами, но и глубинными, фундаментальными факторами функционирования российского общества.

Социальное неравенство, институты и экспансия культуры недоверия

Запрос на трансформацию социальных и политических институтов сформировался еще в 1990-х. Россиян не устраивает возрастающее социальное неравенство, проявляющееся в неравенстве доходов: по этому показателю Россия занимает неподобающее место - коэффициент Джини, составлявший 0,387 в 1995 г, вырос до 0,420 в 2012 г.¹²

Реформы в ключевых областях фактически провалились и положение в правоохранительной сфере, судебной системе, пенитенциарной системе, в области здравоохранения, образования, социального обеспечения, борьбы с коррупцией мало кого устраивает.

73% респондентов не видят положительного эффекта от реформы полиции. Более половины респондентов не удовлетворены работой полиции своего города/района, 61% - не доверяет полиции. Сотрудники полиции вызывают антипатию, опасение, страх, возмущение и негодование у 54% россиян. 58% опрошенных полагают, что полиция не

⁹ МегаФОМ 2011

¹⁰ Бызов Л.Г. Представления и мечты россиян об устройстве России через призму ценностных и идейных противоречий общества // Россия реформирующаяся. Вып. 11: Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2012, с.162

¹¹ Толерантность как фактор противодействия ксенофобии: управление рисками ксенофобии в обществе риска / Под ред. Ю.П.Зинченко, А.В. Логинова. –М.: Федеральный институт развития, 2011, с.570

¹² Распределение общего объема денежных доходов населения, Росстат, 2013, http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_32g.htm.

способна защитить его/ее и членов их семьи от преступников¹³. Отчасти это так: количество убийств на 100 тысяч человек в России составляет 10,2 против 2,1 в странах ОЭСР¹⁴.

77 % опрошенных в 2013 г. не были удовлетворены системой здравоохранения, причем на всем протяжении 2000-х большинство респондентов ежегодно фиксировали ухудшение качества медицинских услуг. Население возмущает не только качество медицинских услуг, но и его недоступность: 70% респондентов и членам их семей приходилось отказываться от лечения, восстановления здоровья из-за нехватки денег¹⁵.

Не лучше ситуация в сфере образования: по расходам на образование (4,1% ВВП в 2008 г.), Россия занимала 110 место в мире¹⁶. Проблема и в качестве образования, и в его доступности. Состояние системы образования в стране оценивают негативно более двух третей респондентов. Равенство возможностей доступа к образованию – ключевой компонент социального государства, – подвергается россиянами сомнению: половина респондентов уверены, что они, их дети, внуки сейчас не смогут получить хорошее образование¹⁷.

Избирательное правосудие, социальное неравенство в сфере образования, здравоохранения, отсутствие социальных лифтов для молодежи, чувство незащищенности перед властями усугубляют неудовлетворенность повседневностью. По субъективной оценке удовлетворенностью жизнью своих граждан Россия занимает место во второй сотне стран¹⁸.

Социальное неравенство порождает недовольство: «В условиях нелегитимности в общественном сознании подобных [социальных – В.М.] неравенств, они оказывают серьезное влияние на дестабилизацию российского общества и нарастание в нем социальных противоречий»¹⁹.

Еще в 1990-х гг. отмечалось: «в российском социуме низок уровень взаимного доверия людей, для него типичны взаимное безразличие, ограниченность реципрокного

¹³ Общественное мнение - 2012, с.106, 107)

¹⁴ Better life Index, OECD, 2013, <http://www.oecdbetterlifeindex.org>

¹⁵ Медицина, образование и ЖКХ в представлении россиян. Левада-Центр, Пресс-выпуск 10 сентября 2013; Общественное мнение - 2012, с.70-72

¹⁶ The World Factbook, CIA, 2013, <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/>

¹⁷ Общественное мнение - 2012, с. 74, 75

¹⁸ The Happy Planet Index: 2012 Report, p.25, <http://www.happyplanetindex.org/assets/happy-planet-index-report.pdf>)

¹⁹ Горшков М.К. Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение. – М., Новый хронограф, 2010, с.3

(т.е. основанного на взаимном исполнении обязанностей) поведения «родственно-дружеским» кругом, а чувство долга – масштабами семьи»²⁰.

На протяжении последних десяти лет вера в людей в российском обществе неустанно ослабевала²¹. Сегодня отмечается «системный дефицит доверия»: «Население вообще никому не верит и, более того, укрепляется в убеждении, что это нормальное и естественное для общества состояние»²². Межличностное доверие ограничивается ближним кругом: семьей, родственниками, друзьями, хорошими знакомыми.

Низкий уровень межличностного доверия напрямую сказывается на росте ксенофобных настроений: «Взаимное недоверие, подозрительность становится одним из главных факторов, обуславливающих сохранение интолерантности в российском обществе»²³. А так как импульс доверия относится исключительно к людям, «чтобы его погасить, достаточно дегуманизировать, овеществить адресат доверия, лишить его человеческих черт: индивидуальности, само/утверждения, достоинства, автономии»²⁴. Недоверие, базирующееся на деперсонализации, провоцирует ксенофобию ко всем членам воображаемого сообщества, каковыми являются члены этнической группы, религии, расы и т.п..

Особая проблема – институциональное доверие. С начала 1990-х гг. уровень доверия к отдельным государственным институтам стабильно низок²⁵, и постоянно снижается с 2008 г.²⁶.

И не только государственным институтам – мало доверяют публичным людям, организациям, режимам, с которыми имеется только опосредованный контакт, чаще

²⁰ Дилигенский Г.Г. Становление гражданского общества: культурные и психологические проблемы // Гражданское общество в России: Структуры и сознание. - М., Наука, 1998, с.230.

²¹ В эти годы Левада-Центр ежегодно задавал вопрос: «Как изменилась за минувший год Ваша вера в людей?». Отвечавших, что она ослабла, в среднем было в 2,5 раза больше тех, в ком она укрепилась. Рассчитано по: Общественное мнение -2012. М.: Левада-Центр, 2012, с.8

²² Явлинский Г.А., Космынин А.В. Двадцать лет реформ – промежуточные итоги? (российское общество как процесс) // Мир России, 2011, № 2, с.14

²³ Козырева П.М., Смирнов А.И. Доверие и его роль в консолидации российского общества // Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение. – М., Новый хронограф, 2010, с.171

²⁴ Штомпка П., цит. соч., с.117, 157-158

²⁵ Общественное мнение -2012, с.76-77

²⁶ Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Российский рабочий: социально-политические ориентации // Россия реформирующаяся. Вып. 11: Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2012, с.276-277

всего через СМИ: крупному бизнесу, деловым и промышленным кругам, банкам, тем же масс-медиа.

В обществе идет экспансия культуры недоверия, для которой характерны anomia, нестабильность общественного порядка, непрозрачность институций, чуждость окружения, безответственность других людей и институтов²⁷. Не последнюю роль в эрозии культуры доверия играет социально-политическое устройство современной России - централизация власти снижает ее потребность в доверии граждан: «в случае полного контроля над каким-то явлением доверие, естественно, не играет никакой роли... Полная власть не требует доверия». При этом «чем сильнее граждане ощущают недоверие со стороны власти, тем меньше ей доверяют»²⁸.

Становление культуры недоверия сочетается с низким уровнем лояльности и солидарности: нарастание недовольства сложившейся в стране ситуацией во всех группах россиян, наряду с нарушением базовых принципов справедливости, ощущение «неправильности» происходящего «приводит к нарастанию атомизации, разрушающей непосредственно переживаемое чувство органической общности нации и, тем самым, устойчивости социальной солидарности россиян»²⁹, что уже подрывает фундаментальные ценности россиян.

Эрозия традиционных ценностей и переформатирование солидарностей

Согласно кросс-культурным исследованиям, в российской культуре заложены ценности, которые, в известной мере, не служат барьером ксенофобии. Русская культура относится к культурам коллективистского типа, с высоким уровнем избегания неопределенности и с высоким уровнем дистанции власти (по Г. Хофстеду), превалированием «традиционных» ценностей и ценностей «выживания» (по Р. Ингельхарту), выраженностью ценностей «принадлежности» к коллективу и ценностей «иерархии» (по Ш.Шварцу)³⁰.

Исследование внутрироссийской дифференциации ценностей показало, что 50% российских респондентов ориентируются на подчинение и слабо ориентируются на самостоятельное социальное действие. Для них характерно придание высокой

²⁷ Штомпка П., цит. соч., с.300 – 305, 414

²⁸ Штомпка П., цит. соч., с. 71, 379

²⁹ Тихонова Н.Е. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К.Горшкова, Р.Крумма, Н.Е.Тихоновой. – М.: Весь Мир, 2013, с.289

³⁰ См.: Лебедева Н.М. Этническая и кросс-культурная психология. – М.: МАКС Пресс, 2011

важности иерархическим отношениям в обществе, получению и исполнению сигналов «сверху» и руководству стоящими ниже них в статусной иерархии. Прямым продолжением почтения к иерархии власти является высокая ценность «порядка», приверженность диктуемым «сверху» запретам, в частности абортот и гомосексуализма, несамостоятельность, нерешительность. Недоверие окружающим сочетается у них с повышенным доверием властным фигурам.

Лишь у 3% российских респондентов альтернативные ценности инициативной автономии преобладают над ценностями встраивания в вертикаль власти (как светской, так и духовной). Ориентация на самостоятельность сочетается у них с высоким уровнем доверия к окружающим. Промежуточных ценностей придерживается 46% респондентов, отвергающих и регулирующие воздействия идущие «сверху», и не выражающие готовности к собственному активному действию; уровень недоверия к окружающим у них также высок³¹.

Отмечалось, что «господствующая система ценностей и убеждений обеспечивает легитимизацию социальных принципов распределения, а тем самым – и существующего неравенства. Сама легитимизация очень часто выступает как одобрение или поддержка общественным мнением этих форм»³². Это так – но до определенных пределов, когда сомнения в принципах распределения перерастают в сомнения в легитимности существующего порядка.

Власти отдают отчет в опасности размывания традиционных ценностей, дестабилизации основ культуры, в первую очередь – почтительности к власти, лояльности, признания легитимности сложившегося порядка.

Выход ищется, во-первых, в эксплуатации традиционных ценностей «порядка» и апелляции к «стабильности». (При игнорировании других ценностей, в частности - «справедливости». Запрос на «справедливость» в условиях возрастающего социального неравенства ведет к фрустрации, нарастанию агрессивных настроений³³. В результате идет размывание электорального ядра сторонников власти, ее опоры)

Во-вторых, - в пресечении различных форм неуправляемой инициативы и солидарности, идущих снизу и основывающихся на бескорыстии, готовности

³¹ Магун Владимир, Руднев Максим. Ценностная гетерогенность населения европейских стран: типология по показателям Р. Инглхарта // // Вестник общественного мнения. 2013, N 3-4 (113)

³² Хахулина Людмила. Субъективные оценки социального неравенства: результаты сравнительного международного исследования // Вестник общественного мнения, 2004, N 3, с.45

³³ Тихонова Н.Е., цит. соч., с. 307

бескорыстной помощи. Для власти характерно недоверие к сложным формам организации или мысли, солидарности и достижения, соответственно – недоверие к гражданскому обществу, любым добровольным, а не принудительным ассоциациям и связям, подавление стремления «к более сложным формам гратификации и солидарности»³⁴.

В-третьих, что особо важно - в переформатировании солидарностей и формировании иных оснований для лояльности власти; власть, иницирующая объединение представителей определенных социальных групп по общественно значимой проблеме, рассчитывает на лояльность членов общества, разделяющих ее взгляды и основания такой солидарности.

Власть, не нуждающаяся и не рассчитывающая на доверие граждан, нуждается в солидарности и лояльности к ней. Трудно представить солидарность и лояльность без доверия, альтернативой может служить, казалось бы, лишь страх. Сегодня формируются уникальные основания солидарности и лояльности: не доверие, не страх, а избирательное недоверие и избирательные страхи – недоверие к чуждым и страхи «чужих».

Основанием «новых солидарностей» все чаще выступают ксенофобные настроения сограждан, к которым апеллирует власть, опираясь на результаты социологических опросов. Высказывалось мнение, что за «борьбой с пропагандой гомосексуализма» ничего не стоит, кроме «тупой гомофобии/тупой ксенофобии/элементарного людоедства»³⁵. Это не так: «норма, понимаемая как константа традиционализма, - единственное, что снимает все социальные границы»³⁶.

Идеальной моделью переформатирования солидарностей стала кампания, развернутая после событий на Матвеевском рынке в Москве летом 2013 г.³⁷ (и, в фантосмагорично истеричной форме продублированная после Бирюлево³⁸). Гонения на трудовых мигрантов, рейды на рынках и их закрытие, изоляция и высылка

³⁴ Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь России. — М.: Московская школа политических исследований, 2011, с.18

³⁵ Бычкова Ольга. Чтобы никаких сомнений // Эхо Москвы, 13 июня 2013

³⁶ Берг Михаил. О Путинской норме // Эхо Москвы, 24 июня 2013, <http://www.echo.msk.ru/blog/mberg/1101356-echo/>

³⁷ Гражданин России, дагестанец, ударил на рынке полицейского, после чего была развернута кампания по преследованию иностранных трудовых мигрантов – в первую очередь, вьетнамцев.

³⁸ Бытовая ссора в неблагополучном районе Москвы, во время которой выходец с Кавказа убил русского парня, переросла в массовые столкновения и нарушения правопорядка и последующие гонения на трудовых мигрантов.

иностранцев формировали новые солидарностей с властью, эксплуатируя негативные настроения по отношению к нескольким группам одновременно: а) к иностранцам, б) к кавказцам, в) к незаконным мигрантам, г) к торговцам, д) к криминалу, е) к коррумпированной полиции.

При любых вариантах выстраивания «новых солидарностей», потенциальные объекты ксенофобии (этнические, мигрантские, религиозные меньшинства, иностранцы) оказываются по иную сторону барьера, они – априори «чужие». Парадоксальным образом, при этом, «новые солидарности» объединяют как традиционалистов, так и их антагонистов. (По крайней мере, часть из них: среди представителей «модерного» типа личности как наиболее ярые борцы с ксенофобией, так и наиболее яркие ее пропагандисты. Не случайно, ксенофобные настроения широко распространены в столицах, среди высокообразованных, материально обеспеченных - бизнесменов, руководителей высшего звена³⁹).

Этническая солидарность занимает неподобающе значимое место в пространстве иных групповых солидарностей. В обществе доминируют представления о первостепенности прав групп, а не личности: 12% респондентов согласились с лозунгом «Россия для русских», 33% - с утверждением, что «Россия многонациональная страна, но русские должны пользоваться определенным преимуществом», 35% выбрали подсказку «Россия многонациональная страна, и все национальности должны пользоваться равными правами». Лишь 18% согласились с утверждением: «Важно обеспечить права личности, а не этнических групп», еще 3% затруднились с ответом⁴⁰.

И хотя этническая солидарность может прямо коррелировать с гражданской⁴¹, социологи отмечают как неблагоприятный симптом, что солидаризация в немалой степени основана на обидах, особенно, среди русских⁴².

Российское общество - мобилизационное, а «непременное условие мобилизационного состояния - обстановка постоянной "борьбы" (Левада 2001, с.13). С непреходящими поисками «врагов», внутренних и внешних. Дух конфронтации

³⁹ Среди лиц с доходом свыше 60 тысяч рублей в месяц доля полностью одобряющих действия скинхедов была в 7 раз выше, чем среди всех респондентов (МегаФОМ 2011)

⁴⁰ МегаФОМ 2011

⁴¹ Дробижева Л.М., Рыжова С.В. Российская идентичность и межэтническая толерантность // Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение. – М., Новый хронограф, 2010.

⁴² Дробижева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. /Л.М. Дробижева. – М.: Новый хронограф, 2013, с.244

пронизывает все общественные дискуссии в России, а понятия ненасилия, терпимости, компромисса имеют явную негативную коннотацию. На всем протяжении 2000-х возможность массовых кровопролитных столкновений на национальной почве в стране допускали менее половины респондентов⁴³. В октябре 2013 г. такую возможность допускали уже 62% опрошенных⁴⁴.

В начале 2000-х высказывалось мнение, что единственный мобилизационный ресурс автократии – эксплуатация уязвленного национального достоинства русского народа⁴⁵. Освоение технологии «новых солидарностей», сопровождающееся постоянным поиском и нахождением новых объектов ксенофобии, «новых чужих», существенно расширило ресурсы мобилизации: «буквально все, что ни происходит в стране ... начинает казаться сплошным гигантским, сложно организованным отвлекающим маневром, политтехнологическим фейком циклопического масштаба. Интеллектуальная и духовная жизнь Святой Руси начала XXI века перенасыщена... взрывами массовых эмоций, угаром вражды по всем горизонтам и азимутам»⁴⁶.

Поиск расколов, поставленный на поток, с одной стороны, решает тактические задачи, с другой – ведет к сегментации общества, а не его консолидации.

За последний год озабоченность обывателей наплывом приезжих, мигрантов резко возросла: если в 2012 г. такого рода тревожность выражали 16% респондентов, то в 2013 г. – 27%⁴⁷. При том, что объективных оснований тому нет: всплеск трудовых миграций пришелся на начало 2000-х, за последние три года численность мигрантов, работающих в России, стабилизировалась на уровне 4,5-6 млн. человек.

Несомненно, огромную роль в всплеске ксенофобных настроений сыграли события лета этого года, сопровождавшиеся истерией по поводу «проблем миграции»⁴⁸. «Дельта» тревожности – конструкт, продукт пропаганды ксенофобии⁴⁹.

⁴³ Общественное мнение - 2012, с.177

⁴⁴ Россияне о миграции и межнациональной напряженности...

⁴⁵ Паин Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. - М.: Институт социологии РАН, 2004, с.234

⁴⁶ Рубцов Александр. Философия опасности // Отечественные записки, 2013, N 2 (53)

⁴⁷ Проблемы и тревоги россиян. Левада-Центр, Пресс-выпуск 3 сентября 2013, <http://www.levada.ru/03-09-2013/problemy-i-trevogi-rossiyan>

⁴⁸ При том, что артикуляция «проблемы» отсутствует. Хотя очевидно, что разные вызовы предполагают различные, часто взаимоисключающие решения.

⁴⁹ Антисобытием телесезона стало "систематическое возбуждение ксенофобских настроений в политическом эфире государственного телеканала "Россия 1"(РИА-Новости, 31 октября 2013, <http://ria.ru/society/20131031/973443619.html>)

Свидетельством тому и то, что наиболее подвержены мигрантофобиям жители тех населенных пунктов, где, как они сами констатируют, мигрантов нет. И то, что образ «мигранта» для обывателя абстрактен, да и сами мигранты взаимоотношения с принимающим населением оценивают также исходя из представлений, почерпнутым из масс-медиа.

Маховик ксенофобии раскручивается: пропаганда формирует соответствующие общественные настроения, опираясь на которые и черпая фантастические сведения из них же, масс-медиа и политики вбрасывают все новые и новые порции ненависти к «чужим» в общественные дискуссии и информационное пространство⁵⁰.

Неадекватная реакция масс-медиа и политиков на события лета 2013 г. (Матвеевский рынок, выборы мэра Москвы, Бирюлево), не имеющая вроде на то видимых оснований, вполне логична: переформатирование солидарностей невозможно без соответствующей атмосферы, формирующей общественные настроения.

Представители меньшинств - удобные «козлы отпущения». Для политиков это способ канализации социального недовольства и завоевания популярности: «Почти одинаковая по степени готовность сторонников различных течений поддерживать негативные этнические установки (а также соответствующие им действия, например, различные запреты, ограничения на передвижения, занятия по этническим признакам) приводит к сохранению и усилению потенциала ксенофобии в обществе»⁵¹.

Ксенофобия и мигрантофобии расползаются благодаря активизации этнических антрепренеров. В дискурсе «расизма», это не только, по мнению В.А. Тишкова, бытовой расизм, но и политический расизм, основанный на партийной идеологии и находящий отражение в партийных программах⁵² и практической деятельности, а также институциональный расизм, присущий таким социальным институтам как армия, школа, здравоохранение, социальная помощь, религиозные организации, государственный расизм, обнаруживающийся в законодательстве, практиках⁵³.

⁵⁰ События на Матвеевском рынке вызвали трехкратный всплеск публикаций на тему миграции, события в Бирюлево – пятикратный рост таких публикаций.

⁵¹ Левада Юрий (1994). Новый русский национализм: амбиции, фобии, комплексы // Мониторинг общественного мнения, N 1, 1994, с.17

⁵² В программах всех парламентских партий, за исключением «Единой России», присутствуют ксенофобные тезисы (Мукомель Владимир. Миграционная риторика в программных документах политических партий. КАРИМ-Восток, 2012, http://www.carim-east.eu/media/exno/Explanatory%20Notes_2012-51.pdf)

⁵³ Толерантность..., с.571

Украина-2014: новые объекты и новый дискурс ксенофобии

События на Украине кардинальным образом трансформировали ксенофобный дискурс. В освещении контролируемых государствах масс-медиа, изначально боровшихся с «Правым сектором», сегодня в Украине идет борьба с «киевской хунтой», «бандеровцами», украинскими «олигархами», «карателями», «так называемой национальной гвардией», «западными наемниками». Борьбы с «фашизмом».

Превалируют уничижительные характеристики («майдауны», «майданутые», «бандерлоги», «правосеки», «укропы» и производные - «укропитеки», «укры»⁵⁴). Они и стали новыми объектами ненависти.

К сожалению, «незамысловатые пропагандистские ходы не просто сработали, пропаганда даже не инструментом для осмысления реальности стала (что уже было бы серьезной неприятностью), пропаганда заменила собой реальность. А это катастрофа. Российский телевизор сегодня – кузница ненависти к украинцам. Но важно не это. Важно то, что телевизор россиянам уже не нужен, чтобы эту ненависть производить. В автобусах старушки ругают невежливых молодых людей бандеровцами. Фашисты поднялись из гробов, как в каком-нибудь треш-хорроре, но только каждый почти россиянин знает, что это не кино, и что фашисты эти – украинцы. Что украинец и есть фашист»⁵⁵.

Левада-Центр с 2005 года ведет мониторинг стран, которые, по мнению россиян, «недружественно, враждебно настроены по отношению к России». Все эти годы Украина стабильно занимала шестое место в перечне из 33 стран. (За исключением 2009 г., когда Украина поднялась на третье место и 2010г., когда она заняла восьмое место⁵⁶). Можно не сомневаться, что в 2014 году Украина поднимется на первое место.

Это хорошая новость для мигрантов, ксенофобии к которым отошли на второй план. (Скорее всего, временно, до урегулирования ситуации в Украине - по крайней мере, ее стабилизации). Это плохая новость для украинцев проживающих и пребывающих в России (включая и имеющих российское гражданство). Это не вдохновляющая новость и для соседей России: изменение правил игры вызывает опасения у них новых «консолидирующих» акций. Производство «новых

⁵⁴ Google на запрос «укропы Украина» выдает 1,73 млн. страниц, «киевская хунта» - 2,35 млн., «майданутые» - 0,58 млн., «правосеки» - 0,5 млн.

⁵⁵ Укропы и колорады. Иван Давыдов о производстве ненависти // «Свободная Пресса», 6 мая 2014 года, <http://svpressa.ru/blogs/article/86936/>

⁵⁶ Общественное мнение -2013, с.219

солидарностей» перестало быть исключительно внутривнутриполитической новацией. Хотя единственным объектом этих мер по «консолидации» общества является российский социум.

Это плохая новость для российского общества: «козлами отпущения» могут стать не только иностранные граждане, но и российские граждане, не солидарные с властями, что уже трансформировалось в борьбу с «пятой колонной» и «национал-предателями». Это плохая новость для гражданского общества: борьба такого рода неминуемо направлена на пресечение гражданской активности - как не прогнозируемой и не контролируемой.

Заключение

Адекватным ответом на вызовы, стоящие перед обществом, будут меры, направленные на создание климата доверия – в первую очередь, восстановление публичного доверия.

Особое значение приобретают инструменты согласования интересов разных социальных и политических групп. Необходим диалог, «промысел смысла»⁵⁷, продуманная и прозрачная политика противодействия интолерантности, включающая принятие соответствующей государственной программы, создание общественного контроля над функционированием социальных и политических институтов, призванных противодействовать ксенофобии.

Без создания климата доверия, без институциональных преобразований, пусть даже символических, ксенофобия будет оставаться не только продуктом, но и инструментом функционирования российского общества.

⁵⁷

Штомпка П., цит. соч, с.327